

¹⁹ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: Справочник. М., 1998.

²⁰ ГАОПДФ АО. Ф. 296. Оп. 1. Д. 38-а. Л. 13, 14, 14(об).

²¹ Там же.

²² ГАОПДФ АО. Ф. 6770. Оп. 1. Д. 1; Д. 1-а. Л. 17

²³ Там же. Д. 29. Л. 17.

²⁴ Там же. Д. 113. Л. 91–96.

²⁵ ГАОПДФ АО. Ф. 6670. Оп. 1. Д. 42. Л. 67

²⁶ Там же

²⁷ Ханталин Р.А. О чем болела голова у обкома и Папанина // Правда Севера. 1993. 6 янв.: ГААО. Ф. 106. Оп. 6. Д. 25. Л. 4; Оп. 1. Д. 84. Л. 1,2,3.

А.Н. Чистиков
(г. Санкт-Петербург)

ЛАГЕРЬ В БАКАРИЦЕ: СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА

В фондах Центральной финской полиции Национального архива Финляндии сохранились несколько свидетельств советских людей, бежавших за границу из лагерей, о своей жизни в заключении. Среди этих документов и публикуемый ниже, в сокращении, рассказ узника лагеря, располагавшегося в начале 1930-х годов в Бакарице – одном из районов города Архангельска.

Эти воспоминания, напечатанные на пишущей машинке на 4 листах большого формата, были присланы в Хельсинки из Эстонии. По всей вероятности, эстонская полиция решила ознакомить своих финских коллег, имевших в своем распоряжении письменные показания беженцев из лагерей УСЛОНА, еще с одним аналогичным свидетельством. Судя по пометам на документе, он был получен 18 марта 1931 года.

Имя автора воспоминаний пока, к сожалению, установить не удалось. Можно лишь предположить с большой долей вероятности, что им был эстонец по национальности, но родившийся, как он сам указывает, в поселке Старая Бура Петергофского уезда Петербургской губернии. В конце 20-х годов мемуарист (будем так для удобства его называть) женился на Элле Пихлапуу из эстонского поселка Яблоня, находившегося в 40 верстах от г. Старая Русса. Отец Эллы имел свой хутор и относился, по мнению властей, к кулакам. Осенью 1929 года жителей поселка Яблоня, в том числе и тестя мемуариста, обложили повторным хлебным налогом и у тех, кто не смог его выполнить, был устроен обыск, закончившийся арестом нескольких поселян, включая и автора воспоминаний. Его обвинили в агитации против колхозов, отказе выполнить «хлебную норму» и – на основании найденного при обыске письма от сестры из эстонского г. Пярну – в сношениях с заграницей.

Вместе с 7 земляками, эстонцами-крестьянами, он был направлен в Новгородское ГПУ, где его уже обвинили в попытке подрыва склада ар-

тиллерийской амуниции, а также моста через р. Лычково в момент прохождения по нему поезда «с важными советскими чинами»; в участии в собрании «кулаков»; в контактах с иностранцами; в сочинении стихотворения «с противоколхозным содержанием». Угрозами и побоями сотрудникам ГПУ удалось добиться признания, и мемуариста приговорили к 3 годам каторжных работ на Соловецких островах с конфискацией имущества и пожизненному поселению в северных районах страны. В конце апреля 1930 года в партии из 100 человек он оказался в ленинградской пересыльной тюрьме «Кресты».

Прежде чем предоставить слово документу, отметим одно обстоятельство. Безусловно, публикуемое свидетельство требует более тщательного исследования, сопоставления его с другими источниками. Но стоит обратить внимание на определенную осторожность автора в изложении фактов. Единственный эпизод, вызывающий сомнения, — выводы мемуариста при описании случая с выдачей одежды.

При публикации исправлены орфографические и пунктуационные ошибки, не влияющие на стиль изложения. Конъектуры отмечены квадратными скобками.

«В Ленинграде выдали нам продовольствие: 1 килограмм хлеба и 1 селедку. Наш проезд длился 5 дней, и в течение этого времени мы должны были довольствоваться этой порцией. По приезде на место выяснилось, что Соловецкий лагерь каторжных был переполнен до отказа заключенными, так что нас нельзя было поместить. Вместимость лагеря составляет 250000 человек. 4.VI.1930 прибыли в Архангельск. Нас поместили в 4 верстах от Архангельска в порт Бакарица. Оттуда в пяти километрах находится лагерь каторжан на 5000 человек, куда и перевели нас. Лагерь окружен деревянным забором, на котором протянут двойной ряд колючей проволоки. Снаружи забора устроен двойной ряд проволочных заграждений. Постройки, возведенные из тонких досок, вмещают 1000 человек и отапливаются только одной печью. В лагере всего 7 больших барачков, 5 из них предназначены для мужчин, 1 для женщин и 1 для изоляции. Помещений для сторожевой команды внутри лагеря не было. Барак для изоляции был назначен для больных. Врачебной помощи не было, так как каторжные лишены права требовать ее. В этот барак помещают людей для того, чтобы они не могли передавать заразные болезни и тем вызывать в лагере эпидемий. Во время моего пребывания в лагере было 4300 мужчин и 700 женщин, среди которых была часть с грудными детьми. Среди каторжных был большой процент лиц духовного звания, казаков и татар. Жить в лагере было очень тесно. Спали на нарах, где от тесноты нельзя было лежать на спине. Нары были двух[ъ]ярусные, то есть над нижним рядом каторжан спал еще один ряд. Люди кишели паразитами. В баню ходили один раз в месяц, но так как я находился в лагере очень непродолжительное время, тогда мне не удалось в ней побывать, и потому не знаю, каков в ней порядок. Никаких одеял и матрасов нам не давали. Врача в лагере не было. Из лекарств

можно было получить только йод, и то только в том случае, если кто-нибудь себя поранил. Также не было фельдшеров. Фельдшером из числа каторжных было дозволено ухаживать за больными, и таких фельдшеров нашлось 2-3 лица. Лагерь был охраняем частями ГПУ. Сколько человек было в сторожевой команде, не знаю, так как сторожевые посты были расставлены за оградой. Пища в лагере была следующая: каждый день давали 500 грам[мов] хлеба и 1 литр рыбьего супа, который был сварен из очень соленой рыбы — воблы. Утром и вечером можно было получить кипятку, но чаю и кофе не давали, также и сахару. Пища была изо дня в день одна и та же, никакого разнообразия в продуктах не было. При таких санитарных и пищевых условиях в лагере свирепствовали скорбут и тиф, чем объясняется громадный % смертности. Среди пленных циркулировали слухи, что администрация лагеря хочет трупами заполнить лошину у железной дороги. В этой лошине хоронили умерших в лагере, а также тех, которые были пойманы при бегстве и расстреляны. Пленные были обязаны ходить в гавань грузить корабли или же выгружать из вагонов лесной материал. На работу не надо было ходить только женщинам с грудными детьми. Оне работали в кухне. Женщины, которые не кормили грудью детей, ходили на работу наравне с другими. Всякая попытка к сопротивлению введенному режиму подавлялась. Во время моего пребывания в лагере было вывешено объявление, в котором сообщалось о расстреле 5 казаков за то, что они отказались выйти на работу в гавань. Также было объявлено и о расстреле баптиста за отказ выйти на работу в воскресенье. Все это объявлялось для устрашения других. А также был застрелен священник за то, что во время стрижки его длинных волос, которые священники носят по религиозному обряду, он ударил парикмахера. Работа шла у каторжных в гавани, а также на железной дороге день и ночь. Работа длится 12 часов подряд, причем на еду дается полчаса времени. Каторжные разделены на бригады. Когда прибывает иностранное судно, дают определенной бригаде приказ нагрузить судно в течение стольких-то дней. Бригада разделена на две смены. Каждая смена работает 12 часов. Программа дня следующая: в 3 часа утра будят, в 5 часов завтрак, то есть пьют кипяток, после чего заведующий работами делает перекличку. Заведующий всегда агент ГПУ, что вывожу из того, что они носили всегда военную форму и револьвер, и признак чина на воротнике (ромбической формы значки). В 6 часов должны были быть на работе. Бригада состоит из 90-100 каторжных. Кроме заведующего агента ГПУ, за нами наблюдали еще 2-3 солдата. Те следили за тем, чтобы каторжные не могли вступать в разговоры с моряками. При иностранных суднах каторжных не били, но при разгрузке вагонов обращались грубо: ругали и били прикладами. В 12 часов был обед. Обедать ходили в особый барак, где обед был приготовлен. В 1/2 1 работа начиналась снова и длилась без перерыва до 6 часов вечера. Ночная смена работала от 6 часов вечера до 6 часов утра по тому же порядку. Перед выходом на работу, а также после работы пересчитывали

каторжных в полубригадах. Никакого вознаграждения за работу не давали. Когда к назначенному сроку бригада не успевала нагрузить судно, наказывали каторжных уменьшением хлебной порции до 300 граммов. Но когда судно было нагружено раньше назначенного срока, давали каторжным для поощрения 200 граммов сахарного песка. Я лично тоже раз получил такое поощрение в виде порции сахара. Из лагеря нет возможностей бежать, разве в том случае, если удастся укрыться на иностранном судне. Бежать во внутрь страны безнадежно, так как до ближайшего города – Вологды 600 верст. Во время моего пребывания в лагере бежала группа из 8 человек. Но они были пойманы и приведены обратно. Что случилось с ними позже, не знаю. Раз я работал в гавани. В тот раз спрятался на норвежском судне некий каторжник. При обыске судна он был найден. Его вели в гавань за кучи сложенного лесного материала и застрелили. Другой такой случай я видел в лагере. Некий каторжник в изоляционном бараке настолько выздоровел, что мог вместе с другими пойти в хлебную очередь. Получив свою порцию хлеба, на которую он не имел права, так как не ходил на работу, он бросился бежать по направлению к бараку. Но агент ГПУ пустил вслед ему пулю из револьвера и убил его на месте. Когда одежда каторжного станет в негодную для ношения, ему дают носить одежду застреленного каторжника. Это можно предположить по следующему факту: одному каторжнику Сельверту дали вместо изношенной одежды другую. В этой одежде нашлись паразиты, почему можно предположить, что его одежду носил недавно кто-то другой. Еще можно предположить, что эту одежду носил раньше кто-нибудь из заболевших тифом или другою болезнью и позже умерший.

После 1 ½ месячного пребывания при таких условиях в лагере начал я искать случая к бегству за границу. Говорил о том каторжнику Терещину. Последний принимал участие в походе против большевиков в Северо-Западной армии. Он жил три года в Эстонии, тогда советский консул описывал ему жизнь Советской России так обольстительно, что он решил отправиться в Россию, на свою родину к Чудскому озеру. Там он попал под надзор ГПУ. Тогда он бежал в одну немецкую колонию у Волги, но там его арестовали и присудили к 5 годам каторги и попал в то[т] же самый лагерь, где был и я. Так как он знал жизнь Эстонии и хвалил ее, я доверился ему и сообща решили бежать. Ходили по-прежнему в гавань на работу, нагрузили от 4-5 суден, но не нашли удобного случая бежать. Наконец прибыло английское судно «Mapple-Grove», родным портом которого считался Глазгов. На этом судне мы вместе с Терещиным грузили трюм и оставили в трюме между пропсами пустое место. Во время обеда, когда другие ушли, мы отправились в трюм, спрятались в заготовленном пустом месте и заделали это так, что сверху нельзя было нас заметить. Работа на судне продолжалась. Нам было слышно, как нас искали. Кто-то спросил у одного каторжного, не видал ли тот нас. Некий Сейм, кто знал меня еще в деревне Яблоня и

был тоже на каторге, ответил, что видел нас на берегу реки направляющихся внутрь страны. Судно стояло еще два дня в гавани, и тогда мы почувствовали, как оно поплыло.

Спустя два дня после отплытия мы начали подавать о себе вести. Но так как, по-видимому, на море была буря, что можно было заключить по качке судна и по тому, что мы заболели морской болезнью, нас не услышали. Тогда мы стали перекладывать пропис и попали вскоре в угольную яму. Там нас нашел истопник, негр. О нашем присутствии уведомили капитана. По прибытии в Роттердам нас передали полиции. Но в Голландии нас не оставили, так как мы прибыли на английском судне. На том же самом судне нас перевели в North-Shield, где нас передали полиции. Полиция отправила нас в тюрьму. В тюрьме просидели 1 месяц, после чего послали нас в дом безработных. Там я пробыл до 18 декабря. В Англии нас много не допрашивали, так как не было переводчика, и мы могли передать только некоторые отрывочные сведения, из которых часть попала в газеты. В Англии я получил Нансенский паспорт. Мое желание, чтобы меня послали в Эстонию, исполнили, и 18 декабря [прошлого] года меня отправили на пароходе «Kodumaа» в Эстонию¹.

Примечания:

¹ Национальный архив Финляндии. EK-Valpo I. XXXIV. E1. #3053

М.А. Смирнова
(г. Архангельск)

КАТОРГА И ССЫЛКА НА РУССКОМ СЕВЕРЕ XII–XX вв. (БИБЛИОГРАФИЯ)

Представленная ниже библиография представляет собой каталог книжной выставки, подготовленной к одноименной научной конференции в 2002 г. Материал расположен в логической последовательности.

I. Монастырская ссылка

1. **Аристов, Н.Я.** Невольное и неохотное пострижение в монашество у наших предков: (до нач. XVII ст.) / Н.Я. Аристов // Древняя и новая Россия.— 1878.— № 5.— С. 63–76; № 6.— С. 136–149; № 9.— С. 5–19.

2. **Шаляпин, С.О.** Опала и монастырское заточение в России XV–XVII вв. / С.О. Шаляпин // Актуальные проблемы правовой науки : межвуз. сб. науч. тр.— Архангельск, 2003.— Вып. 3.— С. 68–79.
Есть упоминания о Тимофее Пухове-Тетерине (сер. XVI в.) и Филарете Романове (нач. XVII в.), насильно постриженных в монахи в Сийском монастыре.
Есть упоминания о режиме содержания ссыльных в Сийском монастыре.